

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-5>

УДК 316.3

Attribution

cc by

**ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ:
ОПЫТ, ВОСПРИЯТИЕ, РИСКИ**

Брюно В.В.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»;
Институт социологии; Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

***Аннотация.** Статья посвящена анализу гражданской идентичности студенческой молодёжи в условиях современной социокультурной трансформации. Особое внимание уделено студентам педагогических вузов как будущим трансляторам ценностей и смыслов. Эмпирическая база включает массовый опрос ($n = 1600$), серию глубинных интервью с респондентами ($n = 60$) и опрос экспертов ($n = 12$). Анкета охватывала блоки, связанные с самоидентификацией, восприятием символического пространства, гражданскими практиками, ценностными ориентациями и ощущением социальной справедливости.*

Выявлено преобладание формальной идентификации с гражданством и наличие позитивного эмоционального отношения к стране. Вместе с тем, за устойчивыми показателями прослеживаются внутренние колебания, критическая дистанция, фрагментарность идентификационных стратегий и высокая чувствительность к опыту несправедливости. Интервью с респондентами и экспертами позволяют говорить о формировании гражданской идентичности студентов в условиях ценностной гибридности – с пересечением коллективистских и индивидуалистических установок, локальной укоренённости и ориентации на глобальные горизонты.

Обнаружено, что на процесс идентификации влияет не столько официальная риторика, сколько качество символической среды, повседневный опыт и доступ к включённым практикам.

Результаты исследования позволяют уточнить специфику гражданской идентичности студенческой молодёжи, обозначить риски и ресурсы её формирования, а также подчеркнуть значимость образовательной среды как пространства символического и ценностного взаимодействия.

***Ключевые слова:** гражданская идентичность, ценности, студенческая молодёжь, формирование идентичности, волонтерство, социализация, идентификационные стратегии, воспитательный процесс.*

***Финансирование:** инициативная работа.*

Original article

**CIVIC IDENTITY OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS:
EXPERIENCE, PERCEPTION, RISKS**

Victoriya V. Bryuno

National Research Moscow State University of Civil Engineering; Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

***Abstract.** This article explores the civic identity of student youth in the context of contemporary socio-cultural transformation. Special attention is given to students of pedagogical universities as future transmitters of values and meaning. The empirical base includes a mass survey ($n = 1600$), a series of in-depth interviews with respondents ($n = 60$), and an expert survey ($n = 12$). The questionnaire covered thematic blocks related to self-identification, perception of symbolic space, civic practices, value orientations, and a sense of social justice.*

The data reveal a predominance of formal identification with citizenship and the presence of a generally positive emotional attitude toward the country. At the same time, behind these stable indicators lie internal ambivalence, critical distance, fragmented identification strategies, and heightened sensitivity to experiences of injustice. Interviews with respondents and experts suggest that civic identity among students is shaped in a context of value hybridity, combining collectivist and individualist orientations, local rootedness, and openness to global horizons.

The findings indicate that the process of identification is influenced less by official rhetoric and more by the quality of the symbolic environment, everyday experiences, and access to participatory practices.

The study contributes to a more nuanced understanding of civic identity among student youth, highlighting the risks and resources of its development, and emphasizing the significance of the educational environment as a space of symbolic and value-based interaction.

***Keywords:** civic identity, values, student youth, identity formation, volunteering, socialization, identification strategies, educational process.*

Введение. Современное российское общество переживает этап интенсивных изменений, затрагивающих как структуры экономики и политики, так и системы ценностей, представления о

государстве, его будущем и границах идентичности. В этой ситуации особое значение приобретает гражданская идентичность – форма восприятия себя как части политического и культурного целого, сопряжённого с представлением о стране, обществе и собственной роли в нём.

В последние годы российское общество оказалось в условиях затяжного кризиса – пандемия, экономические колебания, международный конфликт, беспрецедентное внешнее давление и санкционный режим становятся фоном повседневности. Эти обстоятельства активизируют процессы внутренней переоценки, когда происходит пересмотр установок, и попытка найти новые точки устойчивости. Одной из ключевых тенденций текущего момента становится поиск субъектности – и на уровне общества в целом, и на уровне индивидуального самосознания, что особенно значимо в молодёжной среде, где неустойчивость идентификационных рамок может выступать фоном для маргинализации или девиантного поведения. Выстроенная идентичность, в этом контексте, способна выполнять роль психологической и социальной опоры, снижая риски выхода за границы нормативного. В данном случае речь идёт о восстановлении способности к самостоятельному смыслополаганию, к формированию внутренней рамки «мы» в условиях внешней нестабильности.

По данным социологических исследований, в любой стране существует немалая доля граждан – около 15–17 %, – не идентифицирующих себя со своей страной и при наличии ресурсов готовых покинуть её навсегда [1]. Это указывает на то, что формирование устойчивой гражданской идентичности не может быть отнесено к «само собой разумеющимся» процессам.

Институты первичной социализации (семья), зачастую, не справляются с задачей передачи устойчивых идентификационных моделей. В этих условиях образовательные учреждения, особенно педагогические вузы, приобретают особое значение как пространство, в котором формируются будущие трансляторы ценностей и смыслов.

Россия – многонациональное государство, где по официальным данным проживают представители 194 национальностей. В условиях культурной и этнической многосоставности особенно остро встаёт вопрос о том, какие символы, образы и нарративы способны выполнять функцию объ-

единения. Ответы на него ищут не только исследователи, но и идеологи, политики, государственные деятели. При этом наблюдается отчётливое расхождение между идентификационными механизмами, складывающимися в России, и теми, что характерны для стран так называемого коллективного Запада. Климат, пространство, исторический опыт, восприятие угроз и политические условия – всё это влияет на структуру гражданской идентичности, придавая ей уникальные черты, нередко не считающиеся извне.

В западных обществах всё большую популярность приобретают модели, ориентированные на мобильность, прагматизм и культурную гибкость. Концепции «текущей идентичности», «арендованной жизни» и «общества кочевников»¹ подрывают представления о гражданстве как о долговременной лояльности. Молодёжи транслируется образ жизни, где важна не принадлежность и укоренённость, а возможность быстрой смены контекста, идентичности, социальной роли. Такая модель, при всей своей кажущейся свободе, снижает уровень привязанности к сообществу и ослабляет внутренние основания государственной устойчивости.

На этом фоне становится очевидной необходимость целенаправленной работы по формированию гражданской идентичности, особенно среди молодёжи. Значимую роль здесь играют будущие педагоги – носители не только предметных знаний, но и культурных кодов, а также потенциальные медиаторы между молодёжью и обществом в целом, чья собственная идентификационная стабильность может способствовать профилактике девиантных установок у будущих поколений. Именно они оказываются в положении посредников между государственными институтами, образовательной системой и следующим поколением граждан.

Настоящее исследование направлено на выявление сущностных черт гражданской идентичности студентов педагогических вузов России в условиях современной социокультурной динамики. В фокусе внимания – восприятие молодёжью символов, норм, гражданских практик и представлений о будущем страны как части собственной идентификации.

В исследовании решались следующие задачи:

¹ Жак Аттали, французский экономист и политолог, в своей книге «Линии горизонта» (1990) ввёл концепцию «общества кочевников» для описания будущей цивилизации, характеризующейся мобильностью и отсутствием привязанности к конкретным территориям или

национальным идентичностям. Её высшее воплощение – торговец, не имеющий ни культуры, ни родины, ни семьи, а ведущий образ жизни кочевника, постоянно перемещающегося по всей планете в поисках максимальной прибыли.

- определить уровень гражданской идентичности студентов педагогических вузов, включая самоотнесение, эмоциональное отношение к стране и участие в гражданских практиках;

- проанализировать различия в идентификационных установках студентов в зависимости от направления обучения, этнокультурного фона и религиозности; выявить преобладающие формы идентичности (гражданская, национальная, региональная, социальная) и специфику их соотношения; изучить восприятие символического пространства (флаг, герб, исторические образы) как фактора формирования идентичности;

- сопоставить количественные данные с результатами глубинных интервью и экспертных мнений для комплексного понимания идентификационных стратегий молодёжи.

Теоретическая рамка и обзор исследований.

Исследование гражданской идентичности активно ведётся как в России, так и за рубежом.

В США и Европе сложилась устойчивая исследовательская линия, в рамках которой гражданская идентичность понимается как сложная структура, включающая доверие к институтам, чувство принадлежности и ответственность за общее благо.

Одним из первых подходов к осмыслению гражданской принадлежности стала концепция гражданства, предложенная английским социологом Т. Х. Маршаллом. Он рассматривал гражданство как совокупность гражданских, политических и социальных прав, обеспечивающих не только формальную принадлежность к государству, но и участие в его институтах и доступ к общественным ресурсам [2].

Позднее, важное развитие получила концепция гражданской культуры, сформулированная американскими политологами Г. Алмондом и С. Верба. Они показали, что устойчивость демократий определяется не только институтами, но и типом политического сознания – способностью к участию, доверию и внутреннему ощущению сопричастности [3].

В дальнейшем, фокус исследований сместился к условиям формирования гражданской идентичности в многонациональных и иммигранционно насыщенных обществах. Так, американская политолог Сара Уоллес Гудман изучала, как государства Западной Европы выстраивают требования к новым гражданам, включая обязательное знание языка, истории, символов, норм и цен-

ностей. Эти практики направлены на институциональное закрепление устойчивой модели гражданской идентичности как альтернативы этнической замкнутости [4].

Современные исследования подчёркивают различие между этнической и гражданской идентичностью и фиксируют их связь с представлениями о солидарности, справедливости и распределении ресурсов. Гражданская идентичность оказывается более гибкой и функциональной в условиях глобализации, но требует символического оформления, культурной поддержки и включённости в реальные социальные практики. Особенно важно, чтобы у молодёжи сохранялась возможность видеть в государстве не только внешний институт, но и часть своей внутренней идентичности [5].

В российской науке внимание к теме гражданской идентичности сохраняется стабильно. Особый интерес вызывает молодёжь как группа, наиболее чувствительная к изменениям и одновременно наиболее значимая для будущей идентификационной модели. При этом в исследованиях фиксируются не только институциональные влияния, но и глубокие культурные сдвиги, происходящие в обществе.

В 1990-е годы российское общество переживало ценностную аномию: прежние ориентиры были демонтированы, новые не укоренились, особенно среди молодёжи. Это приводило к внутренней дезориентации и фрагментации идентичности. Однако в последние годы ситуация изменилась. Как отмечает Ю.А. Зубок, современная молодёжь живёт в среде пересечения разных культурных пластов, институтов и мировоззрений. Это формирует особую ценностную гибридность – сочетание локального и глобального, традиционного и инновационного, коллективистских установок и индивидуалистических притязаний [6]. С 2014 по 2022 годы эта тенденция усилилась: ценности патриотизма и коллективной ответственности сосуществуют с модернистским стремлением к личной свободе и постмодернистским сомнением в универсальности истины.

Для молодого поколения это создаёт сложное поле идентификаций, где важен не выбор между крайностями, а способность балансировать между общественными ожиданиями и личной траекторией, между историческим нарративом и собственным опытом. На этом фоне растёт интерес к механизмам консолидации. Учёные, педагоги и представители институтов гражданского общества ищут формы, через которые возможно структурировать разнородное символическое

пространство и укрепить чувство гражданской принадлежности.

Очевидно, что отдельные инициативы – демонстрация фильмов о Великой Отечественной войне или «Разговоры о важном» – не способны решить задачу формирования устойчивой идентичности. Вместе с тем, в ряде исследований подчёркивается важность символического окружения: флага, герба, гимна, визуальных образов. Не случайно в школах и вузах на регулярной основе стали проводиться церемонии поднятия флага, а интерьеры аудиторий насыщаются государственной символикой, фотографиями героев, в том числе участников специальной военной операции [7; 8].

Социологи также обращают внимание на роль системы образования в компенсации дефицитов первичной социализации, особенно в случаях, когда семья не выполняет своих воспитательных функций [9; 10]. При этом семья продолжает оставаться важным фактором: в исследованиях акцентируются риски социализации в неполных семьях и утрата межпоколенческой преемственности в связи с демографическими потерями старшего поколения.

Наряду с этим, фиксируется позитивная роль национальных проектов, программ поддержки семейных ценностей, а также вовлечённости ветеранских и общественных организаций – таких как Комитет семей воинов Отечества – в воспитание молодёжи. Эти процессы способствуют укреплению идентификационных оснований и росту уровня гражданской самоидентификации [11].

Выводы, полученные социологами и политологами, были учтены при разработке программы эмпирического исследования.

Эмпирическая база и методы исследования.

Эмпирическая часть исследования опирается на комбинированную стратегию: массовый опрос, серию глубинных интервью со студентами и экспертное анкетирование. Такой подход позволил отразить как общую картину идентификационных установок будущих педагогов, так и выявить индивидуальные смысловые предпочтения в условиях культурной и ценностной фрагментированности.

Квотный опрос был проведён в четырёх региональных педагогических вузах: Государственном университете просвещения (ГУП), Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского (ЯГПУ), Воронеж-

ском государственном педагогическом университете (ВГПУ) и Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова (УлГПУ). Эти вузы отобраны как типичные для системы подготовки педагогических кадров.

Выборочная совокупность составила 1600 студентов. Квоты задавались по полу, возрасту, типу семьи и вузу. Анкета включала блоки: самоидентификация и образ гражданина (принадлежность, гордость, символика); ценностные установки (отношение к правам, обязанностям, служению обществу); восприятие символического пространства (флаг, герб, портреты, мемориалы в вузе); гражданская активность и волонтерство; ощущение справедливости, дискриминации, миграционные установки.

Дополнительно было проведено 60 глубинных интервью со студентами, отобранными по принципу разнообразия (пол, этническое происхождение, религиозность, факультет, родной город, опыт участия в студенческих инициативах). Интервью были полуструктурированными, с акцентом на личные представления о гражданственности, принадлежности, символах и включённости в коллективные практики. Осуществлялся содержательный анализ с выделением устойчивых сюжетов и идентификационных паттернов. Также проведён экспертный опрос (n = 12). В нём участвовали специалисты по молодёжной политике, преподаватели и исследователи, работающие с темой идентичности. Их мнения позволили соотнести студенческие установки с институциональными ожиданиями и нормативными рамками.

Результаты.

Исследование началось с попытки зафиксировать базовые уровни гражданской идентификации среди студентов педагогических вузов. В качестве отправной точки был выбран вопрос об отнесении себя к гражданству: «Ассоциируете ли Вы себя с гражданином России, то есть со страной?». Ответы студентов показывают высокий уровень формальной идентификации: в среднем, около 85% опрошенных заявляют о такой ассоциации. Это значение практически не варьируется по вузам и свидетельствует о преобладании устойчивой самоидентификации на уровне юридической и территориальной принадлежности.

Однако при внешне благополучных цифрах следует учитывать контекст: около 10% студентов во всех вузах открыто заявляют о желании уехать из страны навсегда. Это не маргинальная доля – это каждый десятый, причём в среде буду-

щих педагогов. Фиксация гражданской принадлежности, таким образом, не исключает внутреннего отчуждения и потенциального дистанцирования от страны в ценностном или экзистенциальном плане. Ещё около 5–6% затруднились с ответом, что может указывать либо на слабую рефлексию, либо на внутренние амбивалентные установки, не сводимые к бинарной логике «да/нет».

Ощущение себя гражданином страны – это один из когнитивных компонентов идентичности. Но для формирования устойчивого чувства принадлежности важен также аффективный компонент, то есть эмоциональное принятие, сопряжённое с позитивной самооценкой своей гражданской позиции. Для оценки этой составляющей был задан вопрос: «Испытываете ли Вы чувство гордости, что Вы гражданин РФ?». Ответы на него почти зеркально повторяют предыдущие: около 85% студентов отвечают утвердительно. Эта параллель может восприниматься как индикатор ценностной конгруэнтности между юридическим статусом и эмоциональной самоидентификацией.

Тем не менее, и здесь около 10% заявляют о том, что не испытывают чувства гордости, и это требует отдельного внимания. Речь, вероятно, идёт о молодых людях с критической дистанцией к государству, символической системе или текущей политической повестке. Важно понимать: отсутствие гордости не означает автоматического отрицания принадлежности, но указывает на разрыв между статусом и смыслом, между формой и содержанием идентичности.

На этом этапе можно говорить о том, что большинство студентов демонстрируют высокую степень формальной и эмоциональной идентификации. Однако под этими показателями скрываются разные уровни включённости, внутреннего принятия и намерения ассоциировать своё будущее с российским обществом. Значения, близкие к 85%, не следует интерпретировать как однозначный показатель «успешности» социализации – скорее, как фон, внутри которого возможны разные стратегии осмысления себя как гражданина.

Другой важный элемент гражданской идентичности – способность ощущать себя частью различных социальных и территориальных общностей. Вопрос об идентификациях на разных уровнях (локальном, региональном, национальном) позволяет понять, какие связи студенты считают значимыми, а какие остаются на периферии их восприятия.

Судя по полученным данным, наибольшую степень идентификационной вовлечённости

вызывает локальный уровень – принадлежность к своему городу или посёлку. Почти 94% опрошенных заявляют, что ощущают близость с жителями своего населённого пункта в «значительной степени». Это значение выше, чем по всем остальным категориям. Гражданская идентичность (ощущение близости с гражданами России) занимает вторую позицию: 79% отмечают её как значимую. Региональный уровень воспринимается чуть слабее: 72% респондентов говорят о близости к жителям своего края или республики.

Такая структура указывает на то, что идентичность у значительной части молодёжи строится снизу-вверх: от локального укоренения – к региональной и национальной рамке. Иными словами, именно непосредственное окружение – город, село, близкие сообщества – выступает в качестве опоры при формировании ощущения принадлежности. Национальная идентичность при этом сохраняется как важный ориентир, но она не является автономной, скорее, включается в цепочку других социальных привязанностей. В этом можно усмотреть как потенциал для формирования гражданской общности через локальные практики, так и риски фрагментации в условиях ослабления региональных и федеральных связей.

Отдельное внимание было уделено вопросу об отношении к этнической идентичности. Вопрос был сформулирован через реакцию на обращение к респонденту по его национальности – как маркера, не всегда нейтрального в российском контексте: «Когда Вас называют в соответствии с Вашей национальностью, Вы...»

Большинство студентов (59–64%) воспринимают этническую принадлежность как нечто само собой разумеющееся. Более трети испытывает гордость при упоминании своей национальности. Это важно: при всей социальной норме «не замечать различий» факт этнической отнесённости у значительного числа молодых людей вызывает позитивную эмоциональную реакцию. В то же время, 5–7% респондентов испытывают неловкость, стыд или дискомфорт при акценте на своей национальности. Эти данные нельзя игнорировать: речь может идти как о внутреннем напряжении, вызванном негативным опытом (включая латентную дискриминацию), так и о результатах разрыва между публичной риторикой и личным восприятием этничности как «неудобной» темы.

Таким образом, этническая идентичность для большинства студентов не является доминирующей, но сохраняет позитивную значимость.

Важным аспектом исследования стало изучение чувства уязвимости, связанного с этнической принадлежностью. Респондентам был задан вопрос: «Часто ли Вы испытывали несправедливость по отношению к себе в связи с Вашей национальностью?».

Полученные результаты оказались достаточно тревожными: около трети юношей и почти

половины девушек заявили, что часто сталкиваются с подобными ситуациями. Ещё примерно 12–25% отметили, что иногда испытывают подобное ощущение.

Таким образом, совокупно – более половины (до двух третей) студентов фиксируют эпизоды этнически окрашенного опыта несправедливости в своей жизни (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов студентов на вопрос: «Часто ли Вы испытывали несправедливость по отношению к себе в связи с вашей национальностью?», %, от ответивших.

Частота	Студенты, n=1600							
	ГУП		ЯГПУ		ВГПУ		УлГПУ	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Часто	31	50	30	49	32	51	33	50
Иногда	20	15	12	16	20	15	25	16
Никогда	44	29	51	29	42	28	35	27
Затрудняюсь ответить	5	6	7	6	6	6	7	7

Важно уточнение, полученное в открытых ответах: в подавляющем большинстве случаев речь идёт не о ситуации в вузе, а о более широкой социальной среде – транспорте, учреждениях, бытовых взаимодействиях в городе. Это позволяет говорить не столько о дискриминации в образовательной среде, сколько об общем фоновом напряжении, которое формирует у студентов этнических меньшинств ощущение уязвимости и возможного исключения.

Показательно и то, что девушки систематически демонстрируют более высокий уровень чувствительности к этнической несправедливости. Это может объясняться как реальной разницей в опыте, так и большей готовностью признавать и артикулировать подобные переживания. Социологически значимо и то, что около трети (в среднем 35,6%) никогда не сталкивались с подобной несправедливостью. Эти данные уравнивают картину, но не отменяют важного вывода: этничность продолжает оставаться полем потенциального напряжения, даже в среде, где декларируется толерантность.

Далее, рассмотрим восприятие студентами символического пространства как фактора, влияющего на формирование их гражданской идентичности. Студенты оценивали наличие государственной символики в учебной среде – в аудиториях, вестибюлях, на стендах и в других публичных зонах.

Как показывает распределение ответов на вопрос: «Если в основных учебных аудиториях (вестибюле, на стендах в коридоре и т.д.) символика РФ», ключевые государственные символы –

флаг, герб, текст гимна – присутствуют почти повсеместно во всех вузах. Более 85% опрошенных отметили наличие флага и герба в учебных корпусах, что указывает на институционализированную норму визуального присутствия государственной символики в пространстве вузов. Текст гимна встречается реже (ГУП – 67%, ЯГПУ – 74%, ВГПУ – 74%, УлГПУ – 80%), но его наличие также зафиксировано большинством респондентов, особенно в актовом залах и местах официальных мероприятий.

Однако символическое пространство не ограничивается флагом и гербом, важную роль играет и визуализация исторического и героического нарратива. Таблица 2 демонстрирует, что в вузах активно представлены изображения, связанные с Великой Отечественной войной и другими ключевыми моментами национального прошлого. Это портреты маршалов и героев СССР, образы Александра Невского, мемориалы – от Могилы Неизвестного Солдата до «Мамаева кургана» и Ржевского мемориала.

Таблица 2 – Распределение ответов студентов на вопрос: «Есть ли в вузе (аудиториях, коридорах и т.д.) изображения символов героического прошлого страны (портреты героев, мемориальных комплексов, памятников)?»², % от опрошенных.

Варианты ответов	Студенты, n=1600			
	ГУП	ЯГПУ	ВГПУ	Ул-ГПУ
Портреты участников ВОВ (маршалов, генералов, героев СССР, полных кавалеров ордена Слава и т.д.)	89	90	87	86
Портреты Александра Невского, Дмитрия Донского, Георгия Жукова и т.д.	86	85	84	82
Ржевский Мемориал Советскому Солдату- мемориальный комплекс	81	83	79	80
«Могила Неизвестного Солдата»	78	79	77	81
Изображение памятников, мемориалов, расположенных в регионе	72	78	77	80
Парк Победы на Поклонной горе	68	69	70	71
«Тыл - фронту»	66	67	68	69
Мемориал «Мамаев курган»	64	63	62	64
«Воин-освободитель»	61	60	62	62
Мемориал в честь героев второй обороны Севастополя	56	58	57	50
Другие	5	6	5	5

Показательно, что в каждом вузе студенты отмечают и локальные мемориальные образы, связанные с регионом. Это говорит о стремлении не только транслировать федеральную символику, но и укоренять её в местном контексте, делая прошлое ближе и более узнаваемым.

Сформированная таким образом визуальная среда выполняет одновременно воспитательную, мемориальную и идентификационную функции. Но важно понимать: её наличие – это ещё не гарантия осмысленного восприятия. Образы, которыми насыщено пространство, могут восприниматься как привычный фон или как репрезентации смысла, и именно эта граница становится зоной интереса для дальнейшего анализа.

Отдельный блок исследования был посвящён тому, как в визуальном и образовательном пространстве вузов репрезентируются события и участники специальной военной операции (СВО). Это особенно важно сегодня, когда идёт активное

переосмысление общественных ориентиров, и участники СВО всё чаще включаются в число тех, кого общество считает героями и символами гражданской ответственности.

По данным опроса, чуть более трети студентов (31-34%) отмечают, что в их учебных корпусах присутствуют портреты или изображения героев СВО. Ещё около 60% ответили, что таких образов нет, а 5–6% затруднились с ответом. Несмотря на то, что визуальное присутствие пока остаётся точечным, студенты в открытых вопросах сообщают о встречах с участниками СВО, в том числе с теми, кто ранее обучался в этих же вузах. Эти контакты происходят, как правило, в рамках «часа наставника» или специальных мероприятий. Такие элементы могут играть важную роль в формировании сопричастности, особенно если речь идёт не о формальной риторике, а о возможности живого взаимодействия. Репрезентация героев СВО в учебной среде – это индикатор того, насколько активно вуз стремится встроить студентов в новую гражданственную повестку. На данном этапе речь идёт скорее о начальных шагах, и именно потому важно отслеживать, как эти практики будут восприниматься, осмысляться и трансформироваться в ближайшие годы.

Ответы студентов на вопрос: «Что для Вас значит быть гражданином государства?» демонстрируют довольно устойчивую структуру представлений, в которой сочетаются как ценностные, так и формально-правовые аспекты. На первом месте – любовь к Родине, патриотизм, на втором – соблюдение закона и уважение к Конституции. Около 85% респондентов связывают гражданственность с чувством причастности к жизни страны как в масштабах государства, так и в повседневных делах (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение ответов студентов на вопрос: «Что для Вас значит быть гражданином государства?», % от ответивших.

Варианты ответа (содержание представлений о гражданственности)	Студенты, n=1600			
	ГУП	ЯГПУ	ВГПУ	Ул-ГПУ
Быть патриотом, любить Россию	89	91	90	87
Соблюдать законы, уважать конституцию	87	89	88	86
Чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства	85	88	82	80

² Общая сумма процентов по столбцу превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Иметь все права, предоставляемые законами этой страны, пользоваться ими	78	79	80	75
Не испытывать желания уехать в другую страну	76	74	71	73
Уважать людей у власти	54	55	54	52
Чувствовать уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане	50	54	52	56
Постоянно проживать на территории страны (государства)	43	42	46	45
Другое	5	5	5	5

Показательно, что лишь 44% респондентов связывают гражданственность с проживанием на территории страны. Для большинства это не является определяющим признаком, что может указывать на растущую гибкость в восприятии принадлежности – особенно в условиях цифровизации, транснациональных коммуникаций и изменений в структуре пространственного укоренения.

При этом только половина студентов связывает гражданственность с чувством стабильности и уверенности в будущем, а уважение к власти отмечают чуть более 50%. Это говорит о том, что доверие к институтам остаётся умеренно выраженным и не является ядром самоидентификации. Образ гражданина в представлении студентов – это скорее человек, исполняющий нормы, чувствующий сопричастность и неравнодушие, но при этом сохраняющий дистанцию к власти и не связывающий лояльность с социальными гарантиями.

Наряду с этим, в исследовании оценивалась гражданская активность через опыт волонтерской деятельности. Согласно полученным данным, около одной пятой студентов (19-21%) в настоящее время вовлечены в волонтерские инициативы, а ещё примерно столько же (18%) имели такой опыт ранее.

Таким образом, около 40% респондентов сталкивались с формами добровольческого участия, что можно рассматривать как положительный индикатор гражданской вовлечённости.

Важно, что в открытых комментариях студенты подчёркивали: участие в волонтерстве зачастую связано с конкретными образовательными, патриотическими или гуманитарными проектами. У некоторых это – спонтанная инициатива, у других – часть учебной или кураторской

практики. Иначе говоря, волонтерство воспринимается как способ социальной реализации, сопряжённый с ощущением значимости, а не просто как формальный «опыт». При этом более 60% студентов не участвовали в волонтерской деятельности, что не обязательно свидетельствует об отчуждении. В ряде случаев респонденты связывали это с отсутствием времени, информационной перегруженностью, а также с неуверенностью, что их вклад будет действительно востребован. Это требует внимания со стороны университетской среды, особенно в плане создания пространства для мягкого вовлечения, без давления, но с осмысленными возможностями.

Экспертные оценки: тревоги, вызовы, контуры решений.

Анализ интервью с экспертами (n = 12), включавшими представителей власти, научного сообщества и общественных организаций, выявил общую озабоченность состоянием гражданской идентичности молодёжи. Почти все респонденты отмечают, что молодое поколение демонстрирует признаки отчуждённости, прагматической ориентации и сниженной вовлечённости в государственный проект.

Так, профессор одного из университетов отмечает: *«Молодые люди не ассоциируют себя со страной и не видят своего будущего в России через 5–10 лет. Они стремятся выучить иностранные языки и уехать за границу».*

По мнению эксперта, апелляции к прошлому (Победа в ВОВ, достижения СССР) постепенно теряют эффективность, и формирование гордости должно опираться на современные успехи, *«в спорте, промышленности, образовании, экономике».*

Эти наблюдения дополняются оценками институциональных пробелов:

«Долгое время вопрос конструирования коллективной идентичности оставался без должного внимания», – указывает заместитель министра региона, добавляя, что в ряде территорий *«наблюдается кризис коллективной идентичности».*

Эксперты связывают фрагментацию идентичности не только с кризисами доверия, но и с последствиями миграционной и образовательной политики, а также подчёркивают, что в условиях дефицита идентификационной включённости возрастает вероятность ухода в протестное или маргинализированное поведение, особенно у тех, кто не находит точек символической принадлежности. Отмечается необходимость представлять

историю страны как пространство многоэтничного вклада: *«Каждый гражданин, независимо от своей национальности, должен видеть, что его предки способствовали развитию страны»*, высказывается один из участников, предлагая актуализировать этот подход в учебниках по истории.

Отдельный фокус – ценностный дисбаланс, усилившийся после распада СССР. Один из представителей Ассамблеи народов России отмечает: *«Образование формировало рационального потребителя, а не патриота»*, и называет приоритетным возвращение к традиционным основаниям – патриотизму, духовным ориентирам, идее общего культурного пространства.

Эксперт-социолог, участвовавший в исследовании, указывает на то, что в условиях одновременного действия противоположных культурных потоков у части молодого поколения формируется эклектичное, а порой и противоречивое сознание: *«Современный молодой человек может одновременно говорить о гордости за страну и о желании уехать. Он может участвовать в волонтерских акциях и при этом считать, что государство его не представляет. Я бы даже не назвал это цинизмом или лицемерием. Это, скорее, результат жизни в гибридном ценностном поле, где рядом сосуществуют фрагменты разных эпох, идеологий и культурных кодов»*.

Такое состояние эксперт определяет, как фрагментарную идентичность, когда принадлежность к стране или обществу не отвергается, но не обладает внутренней связностью. Это создаёт дополнительную сложность: привычные формы мобилизации – через лозунг, символ или историческую метафору – всё чаще не срабатывают или срабатывают выборочно. Необходимы более тонкие, включающие практики, такие, которые позволят не просто повторять паттерны, но и переприсваивать смыслы.

В целом экспертные интервью формируют образ «двойного разрыва» – и в мотивационной структуре молодёжи, и в институциональной повестке. Молодые люди не видят в государстве опоры для самоопределения, а государственные механизмы пока лишь фрагментарно отвечают на этот вызов. Поэтому в ответах экспертов звучат предложения по созданию точек сопричастности: через символическое пространство, образовательный контент, живой диалог поколений. Но ключевая задача, как следует из этих интервью, – восстановить связь между будущим молодого человека и будущим страны, вернуть

ощущение, что их можно мыслить в одном времени и в одной траектории.

Индивидуальные стратегии идентичности студентов.

Глубинные интервью со студентами (n = 60) раскрывают, как формирование гражданской идентичности происходит в повседневном опыте: через внутренние колебания, ситуативные решения, попытки удержать целостность в условиях ценностной и культурной неоднородности. Эти голоса демонстрируют осознание сложности российской социальной ткани, а также поиск своих точек опоры внутри неё.

Для многих респондентов этническая принадлежность не отрицает гражданскую, а встраивается в неё как фоновое, но важное измерение. Как говорит Хадица (22 года): *«Я люблю Россию, но всегда помню, что я осетинка... Мы с сестрой и братом любим русскую литературу, говорим на русском и думаем на русском. Однако учителя и незнакомые люди воспринимают нас по внешнему виду и фамилии»*.

Здесь – двойная динамика: с одной стороны, человек культурно и языково интегрирован, с другой – ощущает перманентную внешнюю маркировку как «иная». Это не конфликт идентичностей, а жизнь в слоистом поле идентичности, где своё и чужое переплетены.

Некоторые респонденты связывают своё этническое «я» с опытом поддержки, но и с уязвимостью. Усуб (23 года), представитель езидской диаспоры, отмечает: *«Когда в новостях появляется информация, что кто-то из нашей диаспоры что-то натворил, я ощущаю на себе неприятные взгляды... Но мы, езиды, сейчас активно участвуем в СВО и вносим вклад в защиту России»*. Это важный маркер: участие в коллективной судьбе страны становится способом не столько доказать лояльность, сколько встроиться в символическую общность, быть признанным не просто «проживающим», а «принадлежащим».

Похожая логика звучит в словах Рустама (20 лет): *«К сожалению, в обществе существует негативный стереотип о том, что таджики работают только на низкоквалифицированных должностях, имеют невысокий уровень образования и периодически совершают преступления. Но ведь среди нас много учителей и специалистов в различных областях. Для укрепления единства нации важно бороться со стереотипами. Если таджик выигрывает олимпиаду – пусть говорят, что он таджик. А если кто-то совершает преступление – не надо акцентировать национальность»*.

Здесь можно услышать потребность в справедливом символическом балансе, переопределении образов, тиражируемых в медиа. Проблема не столько в этничности, сколько в способе её освещения.

Некоторые студенты отмечают, что на бытовом уровне продолжается этническое дистанцирование, но при этом признают эффективность внутриуниверситетских практик, направленных на сближение. Ильмир (22 года) говорит: «В нашем вузе всегда стараются организовывать соревнования между факультетами с участием разных этносов. В результате мы больше узнаем о культуре других народов – это сближает нас и помогает формировать гражданскую идентичность». Такие инициативы работают как форма нормализации многообразия, создающая безопасную среду для совместного действия в спорте, проектах, диалогах.

В целом студенческие интервью показывают: гражданская идентичность формируется не через лозунг, а через позитивный, коллективный и принимающий опыт. Молодёжь остро чувствует напряжения в обществе, но при этом не склонна к нигилизму. Напротив, многие респонденты предлагают конкретные шаги – от корректного медийного освещения до расширения образовательных форматов, работающих с межэтническими темами не директивно, а уважительно.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет зафиксировать сложную картину формирования гражданской идентичности у студентов педагогических вузов в условиях многослойной и нестабильной социальной среды. Данные опроса и интервью показывают: большинство респондентов демонстрируют устойчивую самоидентификацию с гражданством и позитивное отношение к стране. Однако за этими цифрами скрываются разные уровни включённости, критической дистанции и иногда внутренняя амбивалентность. Идентичность остаётся скорее установкой, чем устойчивой практикой.

Ценности, через которые молодёжь описывает гражданственность, включают патриотизм, уважение к закону, чувство сопричастности и стремление быть полезным. При этом уровень доверия к институтам остаётся умеренным, а связь идентичности с территорией слабой. Представление о гражданине формируется как образ человека, способного на участие, но не обязательно встроено в государственную вертикаль.

Позитивные практики (волонтерство, межэтнические проекты, символическое пространство) действительно влияют на восприятие принадлежности, но они работают при условии живого опыта, а не формального присутствия. Символы становятся значимыми тогда, когда вписываются в повседневность и соотносятся с личным смыслом.

Индивидуальные и экспертные интервью подтверждают: молодёжь не отвергает идентичность, но действует в условиях ценностной гибридности. Этничность, профессиональные амбиции, семейные установки и гражданская лояльность сосуществуют в одном пространстве, не всегда переходя в устойчивый контур. Это требует от институтов не формальных программ, а среды, способной к включению и диалогу.

Формирование гражданской идентичности в таких условиях должно быть связано с возможностью сопричастности там, где она ощущается, а не с красивыми декларациями. Понимание себя как части общества – в культурном и гражданском измерении – укрепляет чувство принадлежности и может снижать вероятность дезадаптации или ухода в маргинальные формы поведения, особенно в молодёжной среде, где поиск идентичности часто сопряжён с неопределённостью и социальной уязвимостью. Если педагог будущего должен транслировать смыслы, важно, чтобы он сам находил в этих смыслах опору и соотнесение с собственной жизненной траекторией.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Таланов С.Л. Трансформация ценностей студенческой молодежи в условиях динамики социальных изменений // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 2. С. 32-41.

2. Marshall T.H. *Citizenship and Social Class* // *Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge: University of Cambridge Press, 1950. P. 1–85.
3. Алмонд Г.А. Верба С. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах* / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. – Москва: Мысль, 2014. 500 с.
4. Goodman S.W. *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. Cambridge University Press, 2014. – 270 p.
5. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Harvard University Press, 1992. 596 p.
6. Зубок Ю. А. Молодёжь: жизненные стратегии в новой реальности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 4–12. DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1688
7. Магранов А.С. Образы россиян и иностранцев в представлениях российских и зарубежных студентов (опыт социологических исследований в вузах юга России) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 3. С. 112-122.
8. Хайбулаев М.Х., Сулейманова Р.В. Патриотическая идентичность и её существенные характеристики // *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2024. № 4 (96). С. 25-35.
9. Самаркина И.В., Башмаков И.С., Кузьменко Н.П. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18. № 3 (49). С. 133-143.
10. Волков Ю.Г., Гурба В.Н., Гуськов И.А. Региональная и гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества // *Гуманитарий Юга России*. 2024. Т. 13. № 3. С. 14-24.
11. Коряковцева О.А., Таланов С.Л. Патриотическое воспитание как фактор общественно-политической социализации российской студенческой молодёжи // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2017. № 4. С. 28-33

References:

1. Talanov S. L. *Transformation of Values of Student Youth under Conditions of Dynamic Social Changes* // *Alma Mater. Higher School Herald*. 2020. № 2. С. 32-41.
2. Marshall T.H. *Citizenship and Social Class*. Cambridge University Press, 1950.
3. Almond, G.A., & Verba, S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations* / Translated from English by E. Gendel. — Moscow: Mysl, 2014. 500 p.
4. Goodman S.W. *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. Cambridge University Press, 2014.
5. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Harvard University Press, 1992.
6. Zubok J. A. (2020) *Youth: Life Strategies in a New Reality*. *Mo ni to ring of Pub lic O pi ni on: Eco no mic and So cial Chan ges*. No. 3. P. 4–12. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>
7. Magranov A.S. *Images of russians and foreigners in the representations of russian and foreign students (experience of sociological study in universities in the South of Russia)*. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2024; 3: 112-122.
8. Khaibulaev M.Kh., Suleimaynova R.V. *Patriotic identity and its essential characteristics* // *Municipal Education: Innovations and Experiment*, 2024, No. 4 (96), pp. 25–35.
9. Samarkina I.V., Bashmakov, I.S., Kuzmenko N.P. *Formation of civic identity within the educational policy system under the transformation of the political space*. // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2024, Vol. 18, No. 3 (49), pp. 133–143.
10. Volkov Yu.G., Gurba V.N. *Guskov I.A. Regional and civic identity as a factor of the consolidation of Russian society* // *Humanities of the South of Russia* 2024, Vol. 13, No. 3, pp. 14–24.
11. Koryakovtseva, O.A., Talanov, S.L. *Patriotic education as a factor of socio-political socialization of Russian student youth*. // *Alma Mater (Higher Education Herald)*, 2017, No. 4, pp. 28–33.

Информация об авторе:

Брюно Виктория Владимировна, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (НИУ МГСУ); старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения Института социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. ORCID Id: 0000-0001-9735-024X. E-mail: victoria.bruno@mail.ru

Victoriya V. Bruno, Candidate of Sociological Sciences, Lecturer at the Department of Social Sciences, Humanities and Technologies, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU); Senior Research at the Sociology of Deviant Behavior Sector, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.04.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.